

Содержание

ПРОЛОГ. КАМИ	7
1. КАМИ	14
2. ТЬЯГО	31
3. КАМИ	41
4. ТЬЯГО	60
5. КАМИ	69
6. ТЬЯГО	84
7. КАМИ	94
8. ТЬЯГО	109
9. КАМИ	116
10. ТЕЙЛОР	128
11. КАМИ	133
12. ТЬЯГО	151
13. КАМИ	158
14. ТЕЙЛОР	171
15. КАМИ	176
16. ТЬЯГО	197
17. КАМИ	201
18. ТЕЙЛОР	216
19. ТЬЯГО	223
20. КАМИ	229

21. ТЕЙЛОР	243
22. КАМИ	250
23. КАМИ	263
24. ТЬЯГО	271
25. КАМИ	279
26. КАМИ	294
27. КАМИ	314
28. ТЬЯГО	320
29. КАМИ	335
30. ТЕЙЛОР	343
ЭПИЛОГ. ТЬЯГО	348
БЛАГОДАРНОСТИ	350

ПРОЛОГ

КАМИ

До сих пор помню тот день, как будто все случилось только вчера. Как и договаривались, я встала ровно в полночь — уже этот факт стал достаточным поводом для волнения. Мне никогда не разрешали бодрствовать так поздно, считалось, что в десять вечера я уже должна считать овец. Только не в ту ночь. Я положила в рюкзак розовый фонарик. Пусть из-за него Тейлор постоянно подшучивал надо мной, но я всё равно им очень гордилась. Оставалось только заплести косички, которые были в моде в мои десять. Я посмотрела в окно и улыбнулась, увидев, как вдалеке в окне соседского дома мигнул фонарик. Это был наш сигнал.

С внутренней дрожью я вытащила из-под кровати веревку с завязанными узлами и обмотала ее вокруг ножки стола, как учил Тейлор. Когда убедилась, что закрепила как следует, я свесила ее из окна и глубоко вздохнула, чтобы набраться смелости. Той ночью нам предстояло великое дело: мы собирались прокрасться в дом мистера Робина и украсть все шоколадки, которые он хранил у себя в подвале. Этот старый ворчун, хозяин местной кондитерской лавки, был самым упрямым человеком из всех, кого мне доводилось встречать. Всегда показывая нам сладости, которые привозили к его дому, кроме леденцов старый хрыч никогда ничем

нас не угощал. Очевидно, он ненавидел нас — меня и братьев Ди Бьянко, Тейлора и Тьяго.

Тейлор был моим ровесником и соратником во всех приключениях, а Тьяго... тоже им был, но в тринадцать объявил, что «перерос детские глупости». Хотя на ту ночь это не распространялось. Той ночью он решил пойти с нами. И я знала, что пусть Тьяго стал на голову выше и все время подчеркивал, что подросток, он волновался не меньше нашего.

Я вылезла из окна и как раз находилась на полпути вниз по веревке, когда услышала друзей внизу.

— Быстрее, Ками, а то нас засекут! — шепотом прокричал Тейлор, заставив меня занервничать еще сильнее.

— Я сейчас, сейчас, — торопливо отозвалась я, стараясь не убиться по пути. Моя комната располагалась на третьем этаже очень высокого дома, и поэтому лезть приходилось долго. Для импровизированной лестницы нам пришлось связать три веревки.

— Кам, поторопись! — велел второй голос. Голос Тьяго, единственного человека, который мог довести меня до слез и бешенства, единственного, кто называл меня Кам.

Я всегда стремилась доказать мальчишкам, что ничем не трусливее их, что, несмотря на косички и платья, в которые меня наряжала мама, вовсе не глупая избалованная девчонка. Однако мои усилия не принесли ровным счетом никакого результата. Неважно, сколько насекомых я ловила, как далеко умела плеваться, в скольких проказах участвовала наравне с ними, Тьяго всегда смеялся надо мной и заставлял чувствовать себя

младше. Вот и сейчас, когда спускаться оставалось едва ли полтора метра, он схватил меня за талию и нетерпеливо поставил на землю, вызвав тем самым приступ раздражения.

— Ты же не передумала участвовать, а, принцесска? — поинтересовался он с таким же хитрым прищуром, который достался и его брату.

Разница заключалась лишь в том, что, когда на меня смотрел Тейлор, я чувствовала себя спокойной и способной на что угодно; а когда Тьяго впивался в меня своими зелеными глазницами, меня охватывала нервозность от желания произвести на старшего брата впечатление.

— Не зови меня так! Знаешь же, что меня это бесит! — ответила я, отступая от Тьяго.

Он протянул руку и дернул меня за косу.

— Тогда почему ты всегда завязываешь эти штуковины? — спросил он, срывая одну из лент. К счастью, резинка осталась на месте.

— Отдай! — сердито потребовала я.

Он только рассмеялся и сунул ленту в карман.

— Перестань, Ти, а то доведешь ее до слез, — одернул его Тейлор, а после взял меня за руку и потянул в свою сторону.

Ненавидя слезы, которые скопились в уголках глаз, я изо всех сил сжала его ладонь и направилась следом. Мы побежали. Когда же приблизились к ручью, который отделял наши дворы от двора упрямого соседа, Тьяго резко посерьезнел, словно бы надев маску старшего брата. Несмотря на довольно узкий поток, накануне мы положили через него доску, чтобы получился мост.

С тех пор, как едва не утонул, Тейлор очень не любил воду, поэтому Тьяго пересек ручей первым и принялся помогать нам. Когда я отказалась опираться на его руку, клянусь, в его зеленых глазах на мгновение вспыхнул огонек гордости.

Буквально через пару минут мы добрались до дома мистера Робина. Как же я волновалась! Еще бы, ведь тогда, будучи десятилетней девочкой, просто не могла вообразить себе поступок смелее.

Тьяго заглянул в прорубленное в фундаменте маленькое окошко без стекла. Однажды во время игры в мяч мы его разбили, а мистер Робин так и не застеклил. Сунувшись в это окошко, мы и выяснили, что внутри хранятся сладости и шоколадки. Это показалось нам лучше любых сокровищ, в поиски которых мы играли, поскольку было по-настоящему.

— Кто идет первый? — спросил Тьяго, покосившись на меня с плохо скрываемой улыбкой.

— Ты тут самый взрослый, так что иди ты, — серьезным тоном произнесла я, стараясь выглядеть старше, чем есть.

— Ладно. — Он улыбнулся Тейлору и снова посмотрел на меня. — Но нам не нужно спускаться втроем, хватит и двоих. Третий будет стоять на стреме, и мы передадим ему улов.

Улов! Тьяго обожал использовать словечки, которые мне бы и в голову не пришли. Какой улов? Речь шла о сладостях!

Не представляя, как быть, мы с Тейлором испуганно переглянулись. Я умирала от страха. В царящей вокруг темноте даже шелест деревьев на ветру

воспринимался как нечто странное. И хоть ни за что не призналась бы, но я жутко боялась мистера Робина. Поэтому я предпочитала спуститься вниз с Тьяго, чем остаться одной в саду, где со мной могло произойти что угодно.

— Я пойду с тобой, — вызвалась я, прежде чем Тейлор успел сделать то же самое.

— Отлично. Ты, тогда ты стоишь снаружи, — велел Тьяго, используя то же прозвище. Поначалу я постоянно путалась в этих Ти, но со временем привыкла. Кстати, их отца тоже звали на букву Т — уж такова традиция в их семье.

Тьяго сунул руку в разбитое окно и поднял задвижку. Ее легкий скрип в полной тишине прозвучал оглушительно.

— Тс-с-с! — Я широко распахнула глаза, чувствуя, как все внутри сжимается. Если нас заметят...

Окно открылось, и Тьяго наклонился, чтобы посмотреть внутрь.

— Тут очень высоко. Я залезу на стол и помогу тебе спуститься.

После моего нервного кивка он просунул ноги в окно и аккуратно спрыгнул на стоявший внизу стол.

— Не задерживайтесь сильно, — попросил Тейлор, и я заметила, как в темноте испуганно поблескивают его голубые глаза.

Настала моя очередь. Едва просунув ноги в проем, я поняла, что ни за что не смогла бы спуститься сама, без помощи Тьяго. В отличие от нас с Тейлором он сильно вытянулся за лето и теперь возвышался над нами почти на голову.

Когда мы вместе попали внутрь и Тьяго отпустил меня, я испытала нечто невероятное. Ощущение необычайного единения, которое можно почувствовать, лишь только совершив что-то опасное. Увидев полки, забитые шоколадом, сладостями и пирожными, мы торжественно улыбнулись друг другу.

— Давай, Кам!

Тьяго помог мне слезть со стола, и мы принялись торопливо запихивать в принесенные рюкзаки все сласти, до которых смогли дотянуться. Казалось, мы попали в рай любого ребенка: столько лакомств лежало перед нами. Однако едва рюкзаки наполнились, послышался шум.

От страха и волнения широко распахнув глаза, я машинально повернулась к Тьяго.

— Он проснулся, — с тревогой во взгляде проговорил мой сообщник.

Снова послышался шум.

Мы бросили то, что держали в руках, закрыли рюкзаки и рванули к окошку. Тьяго быстро передал Тейлору наш улов.

— Беги, мы тебя догоним! — испуганно прошептал он.

Тейлор встревоженно кивнул и убежал с рюкзаками наперевес.

Без помощи Тьяго мне не удалось бы дотянуться до окна, а потому, глядя на него, я потребовала:

— Помоги!

Повернувшись ко мне, этот дьяволенок с улыбкой на лице заявил:

— Сначала я хочу кое-что взамен.

— Я отдам тебе весь свой шоколад, но нам нужно отсюда вылезти! — Перспектива быть пойманной мистером Робинотом приводила меня в ужас.

— Не нужен мне твой шоколад, я хочу поцелуй... от тебя, — произнес Тьяго, и я на мгновение застыла. А когда пришла в себя, не задумываясь ответила:

— Ни за что! Фу, какая гадость!

Тьяго повернулся и начал подтягиваться вверх по стене.

— Ну, тогда ты останешься здесь, — сказал он, готовясь к прыжку.

— Подожди!

Я схватила его за футболку и потянула, чтобы он не бросал меня. Неожиданно мысль о поцелуе с Тьяго вызвала у меня не отторжение, а скорее любопытство.

— Поцелуешь? — поинтересовался он, не сводя с меня внимательного взгляда.

В моей голове пронеслась тысяча мыслей, и ни одна из них не отличалась особой ясностью, но я все равно уловила странный трепет в животе, когда притянула к себе Тьяго.

И тогда он соединил наши губы. Получилось очень странно, тепло и противно, но я никогда так и не сумела забыть этой минуты. И не смогла забыть блеск в глазах Тьяго, когда он отстранился от меня и с сияющей улыбкой помог выбраться из наполненного сладостями ада. А потом, взявшись за руки, мы поспешили догнать Тейлора. Я до сих пор помню радость, когда наконец увидели наше крыльцо.

То была ночь моего первого поцелуя... и нашего последнего приключения вместе.

КАМИ

Семь лет спустя

Стоило утром первого сентября открыть глаза, как я ощутила странную щекотку в области солнечного сплетения. Возникло предчувствие, будто в этом году все изменится. Не то чтобы я спешила начать учебу в выпускном классе, но хотелось уже вернуться к рутине. Последний месяц лета я провела на отдыхе с родителями и младшим братом, и мое терпение подходило к концу. Почему-то родители настаивали, чтобы мы все вместе уезжали на побережье — и это при том, что они друг друга терпеть не могли.

Очевидно, что совместный отпуск хотела не мама. Почти на сто процентов инициатива исходила от моего отца, Роджера Хэмилтона, который до сих пор упрямо верил, что наша семья разрушена не до конца.

И я не собиралась снимать с него розовые очки... во всяком случае, не предпринимала новых попыток.

Задумавшись, я машинально посмотрела на свое запястье. Следуя многолетней привычке, взгляд остановился на шраме в форме идеального треугольника, который бледным пятном выделялся на слегка загорелой коже. Сколько бы лет ни прошло, я до сих пор помнила, какую боль испытывала в тот день. Даже сейчас

почувствовала укол боли, только не физической. Как все могло измениться настолько внезапно? Как получилось, что из обычных детей мы превратились в тех, чье детство навсегда разделилось на до и после?

Тряхнув головой, я отогнала тут же возникшие перед глазами мысленные образы и приказала себе не впадать в уныние из-за того, что случилось уже очень давно.

Встав с кровати, я направилась в примыкавшую к моей комнате ванную. Сейчас все здесь пребывало в идеальном порядке, каждая мелочь находилась на своем месте. И как же раздражало, когда я возвращалась домой и обнаруживала, что мои вещи трогали и не положили обратно! Ужасно хотелось наорать и послать всех куда подальше, что совершенно не вязалось с образом тихой, послушной девочки, который я обычно транслировала. Кто бы знал, какой я была на самом деле!

Я умылась, почистила зубы и принялась неторопливо причесываться. Глядя на себя в зеркало, в очередной раз подумала, что хотела бы меньше походить на мать, от которой мне достались светлые, слегка волнистые волосы и ямочки на щеках. А вот цвет глаз отличался: она обладала небесно-голубыми, я же от отца унаследовала карие, обрамленные густыми ресницами. Мне повезло, и брекеты я носила всего лишь год, поэтому уже в старшей школе могла похвастаться идеально ровными зубами. Конечно, у меня имелись недостатки, на которые мама к тому же не стеснялась указывать. Например, когда в пятнадцать лет у меня начались прыщи. Для девушек такого возраста это нормально, да и многие мои подруги до сих пор страдают

от них. Разумеется, я ненавидела бессмысленные розовые бугорки, которые собирались у меня на лбу и на подбородке, но мама возвела проблему во вселенский масштаб. Она отвела меня к пяти дерматологам, заставила полностью изменить рацион и пройти дорогостоящее лечение.

Два года спустя моя кожа стала нежна, как персик, но при этом в школу я все равно красилась. Упаси боже, если хоть один человек на свете увидит мои синяки под глазами или веснушки. Камилле Хэмилтон следовало всегда выглядеть идеально. Так же, как и ее матери — высокой, светловолосой, очень стройной и элегантной. Она придавала огромное значение внешности и, как настоящая королева льда, на людях всегда оставалась спокойна. Я не видела, чтобы мама выходила из себя, за исключением одного-единственного проклятого раза, когда мое детское любопытство изменило все на свете.

Рядом с трюмо и шкафом располагался манекен, на котором висело свободное платье темно-синего цвета. Простое и неприлично дорогое, оно мне очень нравилось, как и все остальное в моем гардеробе. Я с удовольствием надела бы его на ужин или какой-нибудь праздник, но не в первый учебный день. Однако мать давно установила правило, что если мне покупалась какая-то вещь, то к ней автоматически прилагался отдельный договор. Например, что только мать имела право решать, когда мне эту вещь надевать. У меня не оставалось ни единой возможности ничего изменить, поскольку в первую очередь я была обязана держать лицо, а во вторую — слишком устала, чтобы бороться со своей матерью.

Я нарядилась и оделась. Поскольку на улице стояла сорокаградусная жара, даже порадовалась, что платье достаточно короткое и к нему прилагаются белые сандалии, которые отлично смотрятся на моей слегка загорелой коже.

И пусть мне нравилась девушка в отражении, но немного беспокоил ее взгляд. Откуда в ее глазах столько грусти? Неужели из-за Дани?

Прошлым летом мы расстались не так хорошо, как хотелось бы. До сих пор тот вечер я считаю одним из худших в моей жизни. Какого дьявола я пошла на это? Зачем вообще согласилась на то, к чему не чувствовала себя готовой?

Мы с Дани начали встречаться в день моего пятнадцатилетия. После Тьяго я ни с кем не целовалась, и только с ним решила попробовать снова. С того дня мы стали неразлучны. Впрочем, со временем обычная школьная влюбленность превратилась в фарс, в котором родители принялись планировать наше будущее и на каждом шагу диктовать нам, как себя вести. Отец Дани являлся мэром Карсвилла, а мой отец — его адвокатом и доверенным лицом, которое распоряжалось состоянием. Дани с отличием окончил Йельский университет, а также получил степень доктора в сфере управления фондовым рынком в Нью-Йоркском университете. Благодаря прекрасному образованию он управлял капиталами многих предпринимателей, в том числе и тех, которые обитали в нашем городе. Из-за постоянных разъездов мы редко видели отца, но я любила его больше всех на свете.

Поскольку мать обожала игру на публику, факт, что ее дочь встречается с сыном мэра, она восприняла как выигрыш в лотерею. Поначалу было приятно, что я хоть чем-то смогла ей угодить, но со временем мои отношения с Дани превратились в клетку. Меня лишили не только права голоса, но и права на собственное мнение. Кстати, Дани пусть и неплохо ладил с родителями, но тоже страдал от необходимости жить на публику. Красивый мальчик с мягким характером, в которого я когда-то до безумия влюбилась, со временем превратился в вечно недовольного, очень жесткого человека. Все его мысли и желания касались исключительно секса. Я очень сильно его любила, но в какой-то момент мои чувства остыли. Тем более после случившегося в нашу последнюю встречу.

Я прикрыла глаза, стремясь отогнать воспоминание, и постаралась не слышать внутренний голос, который шептал, что рано или поздно мне придется поговорить с Дани. Лето стало прекрасным предлогом, чтобы немного отдалиться, но многие претензии так и остались невысказанными. И, конечно, отдать девственность и сразу же бросить парня — не лучший подарок, который я могла подарить ему.

— Что с тобой? — едва кончив, поинтересовался он.

Родители Дани уехали на выходные, и мы занимались этим в его комнате. После двух лет отношений без секса ожидания просто зашкаливали, но хоть все и казалось идеальным, стоило первой слезинке показаться по моему лицу, сдержаться я уже не могла. Не в силах остановиться, я плакала, и вовсе не от боли.

Я плакала, потому что пусть и потеряла невинность с Дани — человеком, который любил и уважал меня, но все равно не могла выкинуть из головы парня, которого в глубине души до сих пор любила.

Внезапно в комнату вошел Кэмерон, мой брат, и я заставила себя отбросить все мысли.

— Мама сказала, чтобы ты довезла меня до школы, — заявил он.

Я нахмурилась. Брат посещал ту же школу, что и я, однако занятия у нас проходили в разных зданиях. Корпуса начальной школы и старшей соединялись длинным коридором, стены которого использовали для выставок. Мои уроки начинались на час раньше, поэтому обычно брата отвозила мама, чтобы дать ему поспать.

Он взял с собой столько вещей, словно собрался не в школу, а в поход. Рюкзак на спине выглядел больше него самого, плюс на плече сидела игуана, а на поясе болтались фляга, фонарик и еще невесть сколько всего.

— Кэмерон, нельзя со всем этим идти в школу, — терпеливо заметила я.

— Почему нет? — возмутился он, сдвинув соломенные брови, и изо всех сил вцепился в игуану. Хуана была огромной и отвратительной, но брат обожал ее, поэтому я тоже относилась к этому существу с достаточной долей теплоты.

— Тебя даже на школьный двор не пустят.

Чмокнув его в макушку, я быстро похватила сумку и ключи от машины.

— Ты завтракал? — спросила, покидая комнату вслед за ним.